

ЭФФЕКТИВНАЯ РИСК-КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В ЛОКАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ

М. И. Кришталь
А. В. Щекотуров

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 17.12.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-5

© Кришталь М. И., Щекотуров А. В., 2020

Проблемой современных исследований восприятия экологических рисков является незнание механизмов риск-коммуникации в локальном сообществе, а также влияния различных способов обмена информацией о рисках на формирование протестных настроений. Цель данного исследования — объяснить коммуникативные практики и стратегии представителей локального сообщества в контексте образования протестной реакции на угрозу экологической катастрофы. Научным подходом, положенным в основу данной работы, является культурная теория, развитая в трудах М. Дуглас, К. Дейка, Д. Бремен и др. Согласно этой теории выделяют несколько культурных типов (иерархизм, индивидуализм, коммунитаризм и эгалитаризм), отличающихся спецификой восприятия экологических рисков и формами риск-коммуникации. Исследование проведено на примере отношения жителей пос. Нивенское Калининградской области к разработке месторождения калийных солей. В результате исследования выявлено, что эгалитаристы и коммунитаристы в сравнении с иерархистами и индивидуалистами заметно чаще готовы участвовать в протестных акциях в случае возникновения серьезной экологической угрозы. Респонденты всех культурных типов наиболее всего доверяют информации об экологических рисках, получаемой от людей из близкого круга общения, общественников, а также экологов. Представители бизнес-предприятий, напротив, вызывают у респондентов максимальное недоверие.

Ключевые слова:

риск-коммуникация, культурная теория, локальное сообщество, протест

Риск-коммуникация играет определяющую роль в формировании специфики восприятия рисков, поскольку именно она задает критерии для распознавания ситуаций, связанных с опасностью, и объединяет индивидов с целью предупреждения и минимизации негативных последствий [1]. Существуют научные доказательства того, что неверные формы коммуникации с гражданами усиливают ситуацию риска и неопределенности [2; 3].

На выбор способов риск-коммуникации и восприятие проблемы в целом влияют «локализация и концентрация» экологического конфликта [4, с. 105]. К примеру, наибольшее внимание экологической ситуации уделяют жители столичных мегаполисов, что объясняется их более высоким уровнем жизни и притязаний [5, с. 57 — 58].

Для цитирования: Кришталь М. И., Щекотуров А. В. Эффективная риск-коммуникация как фактор регулирования протестных настроений в локальном сообществе // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 70–83. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-5

Для большинства жителей страны наиболее актуальными проблемами остаются низкие зарплаты и рост цен¹. Однако игнорирование экологических проблем может только усилить неблагоприятную социально-экономическую обстановку.

Экологические риски могут вызывать социальную напряженность и даже общественные протесты, повлечь за собой политические и экономические издержки [6]. При этом простое «разъяснение» технических и научных аспектов проблемы населению не является убедительным решением, поскольку участники коммуникации не рассматриваются друг другом как нейтральные субъекты высказываний. В свою очередь, восприятие и конструирование проблемы и действий участников коммуникации зависят от их положения в социальном пространстве, культурных и политических установок.

Одним из примеров социальной напряженности, связанных с экологическими рисками, является противостояние, которое произошло между руководством комбината по строительству калийно-магниевого рудника и населением пос. Нивенское Калининградской области, где планировалась разработка соляного месторождения. Несмотря на ряд принятых мер (озеленение поселка, увеличение санитарно-защитной зоны и т.п.), ситуация остается сложной ввиду сохранившегося недоверия к действиям руководства комбината [7]. Незнание механизмов конструирования представлений о рисках в локальном сообществе, распространения информации внутри коммуникативных сетей сообщества, а также влияния на процессы конфигурации социального пространства локального сообщества и агентов коммуникации может привести к новой волне протестных настроений.

Цель данного исследования — раскрыть роль риск-коммуникации в формировании протестных настроений среди различных социальных групп локального сообщества (на примере разработки месторождения калийных солей в пос. Нивенское Калининградской области).

В соответствии с целью исследования были сформулированы следующие задачи:

- 1) определить характер доверия жителей пос. Нивенское к различным источникам информации об экологических рисках;
- 2) выявить степень информированности поселчан об экологическом конфликте в месте их проживания;
- 3) оценить готовность жителей пос. Нивенское принимать участие в протестах в ситуации ухудшения экологической обстановки;
- 4) выяснить отношение поселчан к различным мерам по разрешению сложившейся социальной напряженности.

В данной работе риск-коммуникацию мы рассматриваем как «целенаправленный процесс обмена сведениями о различных видах риска между заинтересованными сторонами (правительственные учреждения, организации, профсоюзы, общественные организации, СМИ и др.)» [8, с. 235].

Основу процесса риск-коммуникации составляет «организация взаимодействия различных акторов, институтов и практик, представляющих в том числе и гражданское общество, в рамках которого осуществляется обмен информацией о разнообразных рисках и ее анализ» [9, с. 133]. Анализируя процесс риск-коммуникации, основное внимание мы обратили на источники информации об экологических рисках и уровень доверия к ним, а также социальный протест как разновидность риск-коммуникации.

Таким образом, объект данного исследования — риск-коммуникация в процессе восприятия экологических рисков, предмет — формы риск-коммуникации различных социальных групп локального сообщества в контексте формирования протестной реакции на угрозу экологической катастрофы.

¹ «ФОМнибус»: ситуация в регионе и насущные проблемы. URL: <https://fom.ru/Obrazzhizni/14288> (дата обращения: 26.11.2019).

Методологическим основанием выступила концепция «группа-решетка» (grid-group) М. Дуглас, впоследствии развитая в культурную теорию риска [10]. Согласно ее концепции, люди усваивают ценности и нормы, встраиваются в систему социальных отношений под влиянием двух универсальных сил: групповой сплоченности и социального контроля. Соответственно, восприятие риска и поведение в ситуации угрозы зависят от отношения к групповым нормам и возможности контроля над ситуацией [11].

Культурная теория рисков и восприятие экологических угроз

Как уже было сказано, основой культурной теории рисков принято считать работу М. Дуглас [10]. В ней впервые был изложен смысл grid-group-анализа для исследования различных типов культуры. Его суть может быть выражена в трех утверждениях [12, р. 396—397]: 1) взгляды индивида, его суждения и отношение к чему-либо предопределены культурой; 2) существует несколько типов культур, критериями для выделения которых являются всего два измерения: степень групповой сплоченности (group) и степень субъектности (grid) индивида (контроля над ситуацией) в ходе социальной интеракции [10, р. 8]; 3) культурные типы являются универсальными, поскольку выражают социальную природу индивида.

На основании указанных двух измерений М. Дуглас выделяет четыре идеальных типа культур, которые соответственно определяют четыре типа подходов к восприятию рисков: индивидуалисты (сектор А), фаталисты (сектор В), иерархисты (сектор С) и эгалитаристы (сектор D)² (рис. 1).

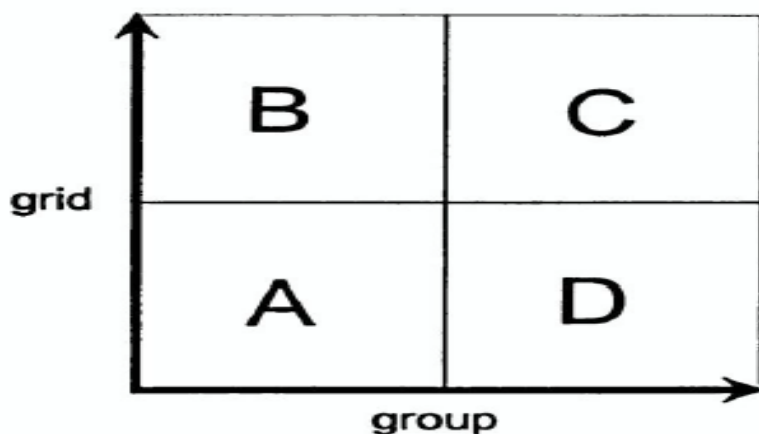

Рис. 1. Grid-group-модель М. Дуглас [10, р. 8]

Каждый культурный тип определяется как сочетание социальных и культурных паттернов, свойственных окружению индивида и воплощенных в его поведении, системе ценностей и отношении к социальной реальности [12, р. 400].

С момента публикации книги М. Дуглас предложенный ею grid-group-анализ неоднократно пересматривался и модифицировался. Удачную модификацию внес М. Томпсон (рис. 2). Добавив третье универсальное измерение социальной жизни

² Сама М. Дуглас тип С называла изоляционистами, а тип D — анклавистами. Однако впоследствии в научном сообществе прижились обозначения «фаталисты» и «эгалитаристы». Исследованию развития grid-group-анализа и культурной теории, смены коннотаций при различном обозначении типов культур посвящена работа В. Мамэдоу [12].

ни — манипуляцию, он получил пятый автономный культурный тип [13]. Этот тип характеризуется слабой групповой вовлеченностью, слабым влиянием на других людей, минимальными социокультурными барьерами и ограничениями. Некоторыми авторами он характеризуется как асоциальный культурный тип [14].

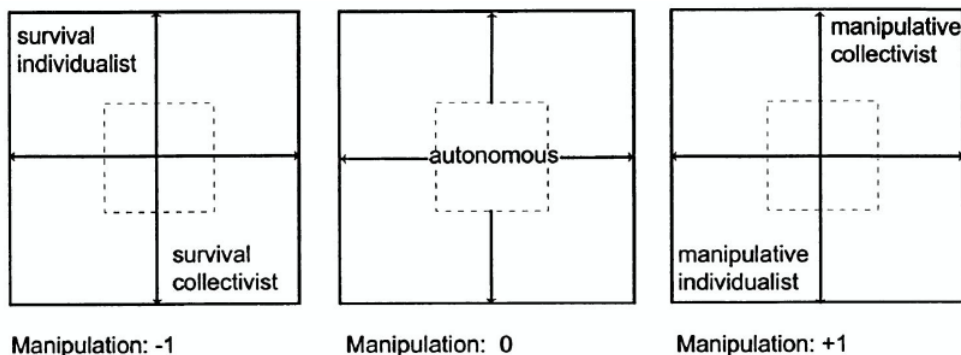

Рис. 2. Модель анализа М. Томпсона [13]

Однако эта модификация не решала проблему того, что человек может принадлежать сразу к нескольким культурными типам, что затрудняло оценку влияния конкретного культурного паттерна. Решением этой проблемы стало рассмотрение культурных типов в виде двух континуумов: шкал «иерархизм — эгалитаризм» и «индивидуализм — коммунитаризм» [15; 16]. Статистическая проверка надежности шкал показала, что именно этот подход к исследованию культурных типов обладает наибольшей степенью надежности [17].

Первая шкала — «иерархизм — эгалитаризм» — определяет сильную или слабую степень контроля над ситуацией. Если индивид ближе к параметру «иерархизм», его поведение определяется тем, что ему предписывает общество, например гендер, социальный статус и роль и т.п. Соответственно, представители иерархического культурного типа видят опору в традиционных структурах и ценностях, естественным условием социального уклада для них является неравенство в возможностях, ресурсах и пр. Если индивид ближе к параметру «эгалитаризм», то он считает, что его поведение определяется индивидуальными предпочтениями, волевыми решениями и в меньшей степени обусловлено социальными нормами и институциями. Эти люди в противовес иерархистам выступают за равенство возможностей и равноправие во всех сферах жизни.

Вторая шкала — «индивидуализм — коммунитаризм» — определяет, насколько социальные отношения и ожидания определены категориями «мы / они». Если индивиды ближе к позиции «индивидуализм», то в их представлениях нет строгого противостояния между «мы» и «они». Индивидуалисты в значительной степени выступают за свободный рынок, честную конкуренцию и готовы брать ответственность на себя. В своих решениях они больше опираются на свои силы, чем на внешние структуры и обстоятельства. Если индивид ближе к позиции «коммунитаризм», то в его представлениях проходит более выраженная грань, определяющая идентичность по признаку «свой — чужой». Коммунитаристы выступают за больший правительственный контроль и государственную монополию на рынке. Для коммунитаристов государство — наиболее влиятельный институт, а потому должно иметь максимальный объем полномочий.

Методика исследования

В рамках исследования были опрошены 300 респондентов, проживающих в пос. Нивенское (доверительная вероятность — 95 %, доверительный интервал — ± 5 %). Использовался квотный метод построения выборки, отражавшей половозрастную структуру Багратионовского городского округа, частью которого является пос. Нивенское. Метод исследования — поквартирный опрос жителей поселка. Анализ созданного массива данных проходил в программе статистической обработки данных SPSS (V 23).

Культурный тип респондента был определен согласно методике, разработанной Д. Каханом [16]. Ее суть заключается в том, что респондент последовательно определяет свое отношение к ряду позиций по шкале от -2 («полностью не согласен») до $+2$ («полностью согласен»). Каждый ответ респондента характеризует его как представителя того или иного культурного типа (иерархизм, индивидуализм, коммунитаризм и эгалитаризм). В результате суммирования ответов были получены баллы, определяющие культурный тип респондента. Такой метод, с одной стороны, позволил представить культурные типы в количественной шкале и проводить корреляционно-регрессионный анализ. С другой — диапазон ответов по шкалам «иерархизм — эгалитаризм и «индивидуализм — коммунитаризм» позволил определить доминирующий тип по каждой дихотомии. Здесь культурный тип фиксировался как номинальная переменная, что позволило провести анализ таблиц сопряженности.

Доверие к источникам информации об экологических рисках

При помощи корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи между принадлежностью к культурному типу и степенью доверия к источникам информации об экологических рисках в случае возникновения экологических проблем³. В матрице парных коэффициентов корреляций (табл. 1) выделены значимые зависимости на уровне 0,01 (***) и 0,05 (*). Показатели, не отвечающие этим условиям, не обозначались («-»).

Таблица 1

Взаимосвязи между степенью принадлежности к культурному типу и уровнем доверия к источникам информации об экологических рисках в случае возникновения экологических проблем

Источник информации	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Экологические организации	«-»	«-»	«-»	«-»
Бизнес-предприятия	«-»	-0,19**	«-»	-0,21**
Друзья и знакомые	«-»	«-»	«-»	«-»
Органы власти	-0,16*	«-»	«-»	«-»
Общественные правозащитники	«-»	«-»	«-»	«-»
Государственные СМИ	-0,15*	«-»	«-»	«-»
Частные СМИ	-0,15**	-0,18**	«-»	-0,21**

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

³ Поскольку критерий Колмогорова — Смирнова показал, что распределение отличается от нормального ($p < 0,05$), был использован коэффициент корреляции r Спирмена.

Все значимые корреляции по итогам анализа оказались отрицательными. Принадлежность индивидов к эгалитаристам и коммунитаристам отрицательно сказывается на уровне доверия к бизнес-предприятиям и частным СМИ, что соответствует установками этих культурных типов: коммунитаристы выступают за государственный контроль и монополию на рынке, а эгалитаристы являются приверженцами равенства.

Принадлежность к иерархистам отрицательно коррелирует с доверием к СМИ (государственным и частным), а также к органам власти. В свою очередь, приверженность к индивидуалистскому культурному типу, напротив, фактически никак не связана с доверием к источникам информации по рассматриваемой проблематике.

Отметим, что зафиксированные зависимости демонстрируют невысокие значения (диапазон от $-0,15$ до $-0,21$). Таким образом, принадлежность к иерархистам, эгалитаристам и коммунитаристам является фактором, влияющим на степень доверия к некоторым источникам информации, но его нельзя рассматривать в качестве доминирующего.

Также был рассчитан индекс доверия представителей рассматриваемых культурных типов к источникам информации об экологических рисках, исходя из данных респондентами оценок по пятибалльной шкале от -2 («абсолютно не заслуживает доверия») до 2 («полностью заслуживает доверие»). Каждая оценка умножалась на процентные доли респондентов, ответивших соответствующим образом, затем показатели суммировались: $(-2) \cdot n_1 + (-1) \cdot n_2 + 0 \cdot n_3 + 1 \cdot n_4 + 2 \cdot n_5$. Согласно полученным данным на общем фоне выделяются коммунитаристы, которые отличаются наибольшей степенью недоверия (табл. 2).

Таблица 2

Уровни доверия представителей культурных типов к источникам информации об экологических рисках в случае возникновения экологических проблем

Источник информации	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Общественные правозащитники	20,2	19,5	19,9	19
Экологические организации	19,3	19	18,9	17,4
Друзья и знакомые	20,2	15,8	19,4	12,5
Государственные СМИ	5,8	5,5	5,2	2,7
Органы власти	4,8	6	5,9	2,4
Частные СМИ	3,4	5,1	4,7	1,2
Бизнес-предприятия	-13,2	-15,2	-13,4	-18,2

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

Также респондентам был задан вопрос о том, из каких источников они бы приняли во внимание информацию об экологических рисках в первую очередь. Независимо от их принадлежности к культурному типу респонденты в большей степени восприняли бы информацию от тех, кого принято считать специалистами в рассматриваемой проблематике: от сотрудников МЧС и экологов (табл. 3). Отметим, что лишь незначительное количество представителей от каждого культурного типа указали СМИ и интернет в качестве приоритетного источника для получения информации.

Таблица 3

Результаты ответа на вопрос «Из каких источников информацию об экологических рисках Вы бы приняли в первую очередь во внимание?», %

Источник информации	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Представители МЧС	32,7	28,6	30,8	28,7
Специалисты-экологи	30,8	26,7	24,3	27,3
Представители органов власти	9,6	14,3	15,9	12
Интернет, социальные сети	9,6	6,5	7,5	8
Репортажи журналистов из СМИ	5,8	9,2	12,1	8
Коллеги / друзья / родственники	5,8	6,5	4,7	6,7
Затрудняюсь ответить	5,8	8,3	4,7	9,3

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

Степень информированности об экологическом конфликте и средства информации, используемые в его условиях

Используемые респондентами для получения информации о сложившейся конфликтной ситуации в поселке интернет-сайты можно разделить на несколько типов: поисковые (*Google, Mail, Yandex*), новостные («Новый Калининград», «Клопс», «Руград»), видео (*Youtube*) и сайт, ориентированный на критику реализации проекта в пос. Нивенское («Резонанс39»). К последнему чаще всего обращались индивидуалисты (13,9 %) и иерархисты (19,2 %). При этом менее половины представителей данных культурных типов пользовались интернет-сайтами: 44,2 и 40,2 % соответственно. Среди коммунитаристов и эгалитаристов доля искавших информацию в интернет-пространстве еще ниже: 33,2 и 32,7 % соответственно.

Среди перечисленных пабликов в социальных сетях наиболее часто респонденты называли «*Rezonans39.ru*» в социальной сети «ВКонтакте». В этом сообществе дублируются новости с интернет-сайта «Резонанс39». Примерно каждый четвертый иерархист (26,8 %) и каждый пятый индивидуалист (21,4 %) обозначили эту группу как источник получения информации о ситуации вокруг возможного строительства калийно-магниевого рудника в пос. Нивенское. Среди эгалитаристов и коммунитаристов доля ответивших подобным образом несколько ниже: 15,2 и 14,7 % соответственно.

Печатные издания в качестве источника информации о конфликтной ситуации в поселке пользовались среди опрошенных респондентов меньшей популярностью в сравнении с Интернетом. Полученные социологические данные показывают, что около 70 % респондентов от каждого культурного типа не использовали печатные издания.

Несколько чаще респонденты указывали телевидение в роли источника информации об экологическом конфликте. Примерно две трети иерархистов (61,6 %), половина индивидуалистов (47,7 %) и около трети эгалитаристов (37,8 %) и коммунитаристов (38 %) отметили, что смотрели различные телеканалы, чтобы узнать о сложившейся ситуации.

Таким образом, данные социологического опроса продемонстрировали, что иерархисты и индивидуалисты заметно чаще пытались получить информацию о рассматриваемой в статье проблеме из различных типов СМИ и интернета. Вероятно, по этой причине они оценивают себя как существенно более информированных относительно различных мнений, касающихся безопасности разработки соляного месторождения в пос. Нивенское (табл. 4).

Таблица 4

Результаты ответа на вопрос «Знаете ли Вы / что-то слышали о различных мнениях по поводу безопасности разработки соляного месторождения в поселке Нивенское?», %

Уровень информированности	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Полностью информирован	50	41,9	52,3	35,3
Что-то слышал	44,2	53,5	41,1	61,3
Слышу об этом впервые	1,9	2,8	3,7	2,7
Затрудняюсь ответить	3,8	1,8	2,8	0,7

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

Протестная активность в случае возникновения экологической проблемы

Эгалитаристы и особенно коммунитаристы имеют большой опыт протестной активности и заметно чаще готовы участвовать в протестных акциях в случае возникновения серьезной экологической проблемы, чем иерархисты и индивидуалисты (табл. 5, 6). Вероятно, это связано с тем, что культурные установки этих типов (равноправие, равенство, отсутствие конкуренции и т.д.) находят слабое отражение в российской действительности.

При этом самыми распространенными формами возможного и реального протеста среди представителей всех культурных типов выступают сбор подписей в адрес местных, региональных и федеральных властей, а также участие в митинге (табл. 5, 6).

Таблица 5

Наиболее распространенные виды протестных акций, в которых принимали участие респонденты, %

Культурный тип	Ни в каких	1-е место	2-е место	3-е место
Иерархисты	55,8	Митинг (25)	Сбор подписей в адрес региональных властей (25)	Сбор подписей в адрес федеральных властей (25)
Эгалитаристы	47,9	Сбор подписей в адрес федеральных властей (32,3)	Сбор подписей в адрес местных властей (26,3)	Сбор подписей в адрес региональных властей (26,3)
Индивидуалисты	57,9	Митинг (24,3)	Сбор подписей в адрес федеральных властей (23,4)	Сбор подписей в адрес региональных властей (20,6)
Коммунитаристы	37,3	Сбор подписей в адрес федеральных властей (40)	Сбор подписей в адрес местных властей (34)	Сбор подписей в адрес региональных властей (33,3)

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

Таблица 6

**Наиболее распространенные виды протестных акций,
в которых респонденты готовы принять участие, %**

Культурный тип	Ни в каких	1-е место	2-е место	3-е место
Иерархисты	76,9	Сбор подписей в адрес местных властей (15,4)	Сбор подписей в адрес региональных властей (15,4)	Сбор подписей в адрес федеральных властей; митинг (13,5)
Эгалитаристы	67,7	Сбор подписей в адрес федеральных властей (18,4)	Сбор подписей в адрес местных властей (13,4)	Митинг (12,4)
Индивидуалисты	72,9	Сбор подписей в адрес федеральных властей (15,9)	Сбор подписей в адрес местных властей (14)	Митинг (14)
Коммунитаристы	65,3	Сбор подписей в адрес федеральных властей (19,3)	Сбор подписей в адрес местных властей (14)	Митинг (12,7)

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

**Меры по противодействию возникновению слухов
об экологических рисках**

Респонденты высказали мнение о том, какие меры, на их взгляд, наиболее предпочтительны для проведения на крупных предприятиях с целью предотвращения распространения слухов об экологических рисках (табл. 7). Опрошенные жители пос. Нивенское могли выбрать неограниченное количество ответов. В целом респонденты, представляющие все культурные типы, в качестве наиболее эффективных мер выделили (ответы по популярности в порядке убывания) следующие: создание условий для максимально возможного государственного контроля на производстве; привлечение экспертов в сфере экологии для сотрудничества; проведение экскурсий на производствах для всех желающих.

Таблица 7

**Отношение представителей различных культурных типов к мерам,
которые должны проводить крупные предприятия для предотвращения
распространения слухов об экологических рисках, %**

Мера	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Создание условий для максимально возможного государственного контроля на производстве	76,9	77	75,7	80
Экскурсии на производствах для всех желающих	69,2	57,1	56,1	62
Привлечение экспертов в сфере экологии для сотрудничества	65,4	64,1	64,5	68
Распространение информационных материалов о производственном процессе	48,1	48,4	42,1	57,3

Окончание таблицы 7

Мера	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Круглые столы с широким участием представителей общественности	42,3	53	43	58,7
Никакие	7,7	9,7	8,4	6,7
Затрудняюсь ответить	7,7	5,5	5,6	8

Источник: данные, полученные исследовательской компанией «КМГ» по заказу БФУ им. И. Канта.

Примечательно, что активнее других за контроль государства выступают коммунитаристы, для культурного типа которых характерна поддержка вмешательства правительства в производственный процесс. Кроме того, они наряду с эгалитаристами в качестве эффективной меры чаще выделяли организацию круглых столов с широким участием представителей общественности. Это можно обосновать результатом зафиксированной нами высокой недоверчивости коммунитаристов и, как следствие, их желанием получать информацию без посредников. Также в эту логику вписывается и высокая доля представителей данного типа, выбравших в качестве варианта проведение экскурсий на производствах для всех желающих. Хотя, учитывая зафиксированную недоверчивость коммунитаристов, несколько сложно объяснить, почему среди них наиболее популярен вариант «распространение информационного материала о производственном процессе» (57,3 %).

Иерархисты также заметно чаще других называли в качестве предпочтительной эффективной меры проведение экскурсий на производствах.

Как уже было нами отмечено, среди эгалитаристов популярна идея организации круглых столов с широким участием представителей общественности, что вполне отвечает свойственным для этого культурного типа ценностям равноправия.

Среди ответов индивидуалистов в данном случае отсутствует какая-либо ярко проявляющаяся специфика.

Таким образом, в ходе исследования на примере протестной активности в пос. Нивенское выявлено, что представители различных культурных типов по-разному воспринимают экологические риски и предпочитают различные формы риск-коммуникации. Данный вывод позволяет сделать следующие интерпретации.

1. Эгалитаристы и особенно коммунитаристы заметно чаще в сравнении с иерархистами и индивидуалистами готовы участвовать и имеют опыт участия в протестных акциях в случае возникновения серьезной экологической проблемы. Учитывая это, а также низкую степень доверия эгалитаристов и коммунитаристов к источникам информации об экологических рисках, именно их можно идентифицировать в качестве наиболее неконформистского сегмента протестной активности в пос. Нивенское в условиях актуализации экологических проблем.

2. Представители двух других культурных типов настроены позитивнее и оценивают себя как существенно более информированных относительно различных мнений, касающихся безопасности разработки соляного месторождения в пос. Нивенское. В результате можно заключить, что данные факторы являются взаимодополняющими.

3. Для предотвращения роста протестных настроений именно эгалитаристы и коммунитаристы должны рассматриваться в качестве участников круглых столов и публичных слушаний. Это, во-первых, позволит направить их энергетический потенциал в конструктивное русло, во-вторых, даст возможность получить им необходимую информацию. Особенно это актуально в силу того, что именно эгалитаристы и коммунитаристы считают информированность наиболее эффективной мерой по снятию социальной напряженности в сравнении с иерархистами и индивидуалистами.

4. Также в исследовании зафиксированы черты, присущие всем культурным типам. Так, респонденты солидарны в том, что создание условий для максимально возможного государственного контроля на производстве является наиболее эффективной мерой для противодействия распространения слухов об экологических рисках. Кроме того, респонденты склонны более всего доверять информации об экологических рисках, получаемой от людей из близкого круга общения, общественников и экологов. Органы власти, частные и государственные СМИ и особенно бизнес, напротив, не являются эффективными источниками информации об экологических рисках. Жители пос. Нивенское предпочитают прямые формы коммуникации. При этом они отметили, что в случае возникновения экологической проблемы в первую очередь воспримут информацию от специалистов: сотрудников МЧС и экологов.

Развитие данной темы исследования видится в проработке восприятия экологических рисков каждого культурного типа в отдельности с основой на уже выявленных особенностях их поведения и отношения к проблеме.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31646 «Факторы эффективной риск-коммуникации в локальном сообществе: политический, цифровой и структурный контекст (на примере экологического протеста)».

Список литературы

1. Sato A. Understanding effective risk communication in the context of a radiological accident // Fukushima Global Communication Programme Working Paper Series. 2015. № 7. URL: <https://i.unu.edu/media/fgc.unu.edu-en/page/922/FGC-WP-7.pdf> (дата обращения: 13.12.2019).
2. Барз А.О., Лебедева-Несевря Н.А. Риск-коммуникация в системе анализа профессиональных рисков здоровью работников промышленного предприятия // Медицина труда и промышленная экология. 2015. № 8. С. 28—33.
3. Acton J.M., Hibbs M. Why the Fukushima was Preventable. Carnegie Endowment for International Peace, Washington DC, 2012.
4. Платонов К.А. Восприятие экологических рисков: экспертные оценки и общественное мнение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 1. С. 102—110.
5. Тихомиров Д.А., Кисткина И.А. Проблема осознания экологической угрозы в России // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 2. С. 55—61.
6. Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 1. С. 83—98. doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>.
7. Piyashevich A.V. Risk Communication in the Sphere of Environmental Risk: Power Structures and Citizens // Regional Risks and Risks to the Regions : Conference Proceedings. 2018. P. 68—71.
8. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. Общая теория рисков. М., 2008.
9. Бурганова Л.А., Исхакова Э.И. Риск-коммуникация как механизм эффективного управления рисками // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 132—135.
10. Douglas M. Cultural Bias // In the Active Voice. L., 1982.
11. Johnson B.B., Swedlow B. Cultural Theory's Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research. Risk Analysis, 2019. doi: <http://dx.doi.org/10.1111/risa.13299>.
12. Matadough V. Grid-Group Cultural Theory: an Introduction // GeoJournal. 1999. Vol. 47, № 3. P. 395—409.
13. Thompson M. A three-dimensional model // Essays in the Sociology of Perception / Douglas M. (ed.). 1982. P. 31—63. doi: <https://doi.org/10.1080/1351161042000291941>.

14. *Dake K.* Myths of Nature: Culture and the Social Construction of Risk // *Journal of Social Issues*. 1992. Vol. 48, № 4. P. 21—37.

15. *Jenkins-Smith H.C.* Modeling Stigma: an empirical analysis of nuclear images of Nevada // *Risk, Media and Stigma: Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology* / J. Flynn, P. Slovic & H. Kunreuther (eds.). L., 2001.

16. *Kahan D.M.* Cultural cognition as a conception of the cultural Theory of Risk // *Handbook of Risk Theory*. 2012. P. 725—759.

17. *Kahan D.M., Peters E., Wittlin M. et. al.* The polarizing impact of science literacy and numeracy on perceived climate change risks // *Nature Climate Change*. 2012. № 2. P. 732—735.

Об авторах

Михаил Игоревич Кришталь, кандидат географических наук, научный сотрудник социологической лаборатории анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/000-0001-6167-1025>

Александр Вячеславович Щекотуров, кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6703-4860>

EFFECTIVE RISK COMMUNICATION AS A FACTOR IN MANAGING PROTESTS ATTITUDES IN A LOCAL COMMUNITY

M. I. Krishtal
A. V. Shchekoturov

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 17 December 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-5
© Krishtal, M. I., Shchekoturov, A. V., 2020

Contemporary research into the perception of environmental risks suffers from poor knowledge of risk communication in the local community and of how different ways of risk communication affect protest attitudes. This study aims to clarify communication strategies and practices used by members of local communities as a protest response to environmental threats. The work builds on the cultural theory developed by Douglas, Dake, Bremen, and others. This theory distinguishes between several cultural types (hierarchism, individualism, communitarianism, and egalitarianism), which differ in how environmental risks are perceived

To cite this article: Krishtal, M. I., Shchekoturov, A. V. 2020, Effective risk communication as a factor in managing protests attitudes in a local community, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 2, p. 70—83. doi: 10.5922/2078-8555-2020-2-5.

and what forms risk communication takes. The study investigates the case of the village of Nivenskoe in Russia's Kaliningrad region where residents opposed the development of a potassium salt deposit. It is concluded that egalitarians and communarians are more likely than hierarchists and individualists to participate in protests when a serious environmental threat arises. Respondents of all cultural types tend to trust information coming from their close social network, public figures, and environmentalists whereas people of business are trusted the least.

Keywords:

risk communication, cultural theory, local community, protest

References

1. Sato, A. 2015, Understanding effective risk communication in the context of a radiological accident, *Fukushima Global Communication Programme Working Paper Series*, no. 7, available at: <https://i.unu.edu/media/fgc.unu.edu-en/page/922/FGC-WP-7.pdf> (accessed: 13.12.2019).
2. Barg, A.O., Lebedeva-Nesevrya, N.A. 2015, Risk communication in the occupational risk analysis system for the health of industrial employees, *Medicina truda i promyshlennaya ekologiya* [Labor Medicine and Industrial Ecology], no 8, p. 28–33 (in Russ.).
3. Acton, J.M., Hibbs, M. 2012, *Why the Fukushima was Preventable*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington DC.
4. Platonov, K.A. 2016, Vospriyatie ekologicheskikh riskov: ekspertnye ocenki i obshchestvennoe mnenie, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika* [Bulletin of the St. Petersburg university. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogics], no 1. p. 102–110 (in Russ.).
5. Tihomirov, D.A., Kistkina, I.A. 2017, Problema osoznaniya ekologicheskoy ugrozy v Rossii, *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of humanitarian knowledge], no 2, p. 55–61 (in Russ.).
6. Chmel', K.Sh., Klimova, A.M., Mitrohina, E.M., 2020, Politizacija ekologicheskogo diskursa v Arhangel'skoi oblasti na primere stroitel'stva musornogo poligona okolo stancii Shies. *Zhurnal issledovaniy social'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], No 18, 83–98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98> (in Russ.)
7. Ilyashevich, A.V. 2018, Risk Communication in the Sphere of Environmental Risk: Power Structures and Citizens, *Regional Risks and Risks to the Regions. Conference Proceedings*, p. 68–71.
8. Vishnyakov, Ya.D. 2008. In: *Vishnyakov, Ya.D., Radaev, N.N. (eds.) Obshchaya teoriya riskov* [General risk theory], Moscow, 368 p. (in Russ.).
9. Burganova, L.A., Iskhakova, E.I. 2019, Risk communication as a mechanism for effective risk management, *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Journal of Economics, Law and Sociology], no 1, p. 132–135 (in Russ.).
10. Douglas, M., 1982, Cultural Bias, *In the Active Voice. Routledge and Kegan Paul*, London.
11. Johnson, B.B., Swedlow, B., 2019, Cultural Theory's Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research, *Risk Analysis*, Doi: <http://dx.doi.org/10.1111/risa.13299>
12. Mamadouh, V., 1999, Grid-Group Cultural Theory: an Introduction, *GeoJournal*, Vol. 47, No. 3. P. 395–409.
13. Thompson, M., 1982, A three-dimensional model. In: Douglas M. (ed.), *Essays in the Sociology of Perception*. P. 31–63. Doi: <https://doi.org/10.1080/1351161042000291941>
14. Dake, K., 1992, Myths of Nature: Culture and the Social Construction of Risk, *Journal of Social Issues*. Vol.48. No. 4. P. 21–37.
15. Jenkins-Smith, H.C., 2001, Modeling Stigma: an empirical analysis of nuclear images of Nevada. In J. Flynn, P. Slovic & H. Kunreuther (Eds.), *Risk, Media and Stigma: Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology*. Earthscan. London.
16. Kahan, D.M., 2012, Cultural cognition as a conception of the cultural Theory of Risk, *Handbook of Risk Theory*. P. 725–759.
17. Kahan D.M., Peters E., Wittlin M., Slovic P., Ouellette L.L., Braman D., Mandel G.N., 2012, The polarizing impact of science literacy and numeracy on perceived climate change risks, *Nature Climate Change*. No. 2, P. 732–735.

The authors

Dr Mihail I. Krishtal, Researcher, Sociological Lab of Analysis, Modelling and Forecasting of Risks, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/000-0001-6167-1025>

Dr Aleksandr V. Shchekoturov, Head of Sociological Lab of Analysis, Modelling and Forecasting of Risks, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6703-4860>
